

Психотопология повседневности

Изначально концепция ВАЗ возникла в контексте критики Революции и обоснования преимуществ Восстания. В контексте первого второе понимается как проигрыш, однако, исходя из основ психологии освобождения, для нас *бунт* олицетворяет куда более интересную возможность, чем любая «успешная» революция, будь то буржуазная, коммунистическая, фашистская и т.п. Ещё одним стимулом к развитию концепции ВАЗ послужил исторический феномен, который я называю «завершением карты». Последний клочок земли, на который не распространяло свою власть никакое из национальных государств, был поглощён в 1899 году. В череде веков наше столетие стало первым, лишённым *terra incognita* и всяких фронтиров. Национальная принадлежность — самый высокий из принципов управления миром; ни одну плешивую скалу в Южных морях нельзя оставить *ничьей*, никакую удалённую лощину или даже Луну и другие планеты. В этом — апофеоз «территориального бандитизма». Ни один квадратный дюйм поверхности Земли не должен ускользнуть от законодателей и сборщиков налогов... но это в теории.

«Карта» — это абстрактная политическая сетка, гигантская *афера*, подкрепляемая политикой кнута и пряника, проводимой «Экспертом» в лице Государства до тех пор, пока для большинства из нас карта не станет *тождественна* территории: забудьте об «Острове Черепахи»[3], говорите правильно — «США». И в то же время именно потому, что карта — это абстракция, она не может покрыть Землю в масштабе один к одному. Во всей фрактальной нетривиальности реальной географии карта способна распознать лишь размерные сетки. Несоизмеримая и скрытная сложность неподвластна масштабной линейке. Карта не достоверна — карта *не может быть* достоверной.

Итак, тема революции закрыта, но это открывает возможность восстания. На какое-то время мы сосредоточим усилия на скоротечных «коротких замыканиях», стараясь держаться подальше от любых «окончательных решений».

И ещё: хотя с картой покончено, этого не скажешь об автономной зоне. Образно говоря, она разворачивается во фрактальных измерениях, невидимых для картографии Контроля. И тут нам следует ввести понятие *психотопологии* (а также *топографии*) как альтернативную «науку», противопоставленную геодезической и картографической деятельности Государства, равно как и «психическому империализму». Только психотопография способна составить карты реальности в масштабе один к одному, потому что только человеческий ум обладает достаточной сложностью, чтобы суметь сконструировать модель реальности. Но карта в натуральном масштабе не может «контролировать» свою территорию, поскольку она практически с ней совпадает. Она может применяться лишь в качестве *подсказки* — условно говоря, она может лишь *указывать* на определённые черты рельефа. Мы ищем

«пространства» (географические, социальные, культурные, воображаемые), обладающие потенциалом к тому, чтобы реализовать себя в качестве автономных зон — и мы также выискиваем моменты, когда эти пространства остаются относительно доступными: будь то из-за недосмотра со стороны Государства, или потому что они по какой-то причине ускользнули от внимания картографов, или в силу каких-то других обстоятельств. Психотопология — это искусство *высматривать* потенциальные ВАЗ.

Впрочем, факторы завершенности Революции и карты являются лишь негативными предпосылками ВАЗ; далее мы подробно рассмотрим и позитивные предпосылки. Энергии одной только реакции недостаточно для «манifestации» ВАЗ. Восстание должно осуществляться и *ради* чего-то ещё.

1. Во-первых, следует сказать о естественной антропологии ВАЗ. Нуклеарная семья служит базовым элементом для построения общества консенсуса, но не годится в качестве такового для ВАЗ. (Андре Жид: «Семьи, я ненавижу вас! ...ревниво охраняемое счастье!») Судя по всему, нуклеарная семья и сопутствующие ей «эдиповы муки» возникли ещё в эпоху Неолита в результате «аграрной революции», повлекшей за собой нехватку ресурсов и насильственное утверждение иерархии. Модель, обнаруживаемая во времена Палеолита, представляется и более первобытной, и более радикальной: речь идёт о так называемой праобщине. Численность типичной кочевой или полукочевой *праобщины* охотников/собирателей составляла порядка 50 человек. В контексте более многочисленных первобытных сообществ функцию праобщины выполнял род внутри одного племени или братства вроде инициатических и тайных обществ, союзов охотников или воинов, «детских республик» и так далее. Если нуклеарная семья возникает по причине нехватки ресурсов (и характеризуется проистекающей из неё скарденностью), то предпосылкой создания праобщины является изобилие — и это выражается в присущей ей расточительности. Семья *закрыта*: причина этого в генетических факторах, в желании мужчин *обладать* женщинами и детьми, в иерархической тотальности аграрного/индустриального общества. Праобщина *открыта* — разумеется, не для каждого, а для родственной группы, для посвящённых, присягнувших на верность узам любви. Праобщина не включена в более широкую иерархию, а скорее вплетена в горизонтальную сеть, объединённую на основе общего уклада, расширенного родства, взаимных обязательств и альянсов, духовной близости и т.д. (В сообществах американских индейцев и по сегодняшний день сохраняются некоторые черты этой структуры.)

Да и в нашем Обществе-симуляции пост-Спектакля продолжают действовать — чаще всего подспудно — многие из сил, компенсирующих ущербность нуклеарной семьи и способствующих возрождению праобщины. Поломки в структуре Работы отзываются эхом в надтреснутой «стабильности» домашней и семейной ячейки. Сегодня отдельная «праобщина» включает друзей, бывших супругов и любовников, бывших коллег и людей, встреченных на каких-либо сборищах, компании с общими интересами, участников всевозможных кружков по интересам, друзей по переписке и т.д. Всё больше людей начинает осознавать, что нуклеарная семья представляет собой *капкан*, культурную сточную яму, незримое невротическое схлопывание расщеплённых атомов — и само по себе возникает очевидное противодействие, выражающееся в практически бессознательном стремлении заново открыть для себя более архаичные и в то же время более

постиндустриальные по своему характеру возможности, предлагаемые праобщиной.

2. ВАЗ как *фестиваль*. Некогда Стивен Пёрл Эндрюс, размышляя о том, на что будет похоже анархическое общество, высказал идею званого ужина, на котором все властные структуры растворяются, уступая место пиршеству и торжеству (см. «Приложение В»). Здесь уместно было бы вспомнить Фурье, с его концепцией чувственных страстей как основы общественной стратификации — на основе тонкости «осязания» или «гастрософических» талантов того или иного человека, — и его восторженной одой, посвящённой преимуществам обоняния и вкуса, столь часто игнорируемым широкой публикой. Такие древние традиции, как юбилей и сатурналии, возникли из интуитивного осознания того факта, что некоторые события лежат вне области «обыденного времени», этой измерительной рейки Государства и Истории. Эти празднества в буквальном смысле заполняли пробелы в календаре — так называемые *интеркалярные интервалы*. К началу эпохи Средневековья почти треть всех дней в году приходилась на праздники. Быть может, бунты против календарной реформы вспыхивали не столько по причине возмущения из-за «пропажи одиннадцати дней»[4], сколько из-за ощущения, что представители имперских учёных сословий сговорились между собой, чтобы изъять из календаря эти пробелы, воплощавшие в себе людские вольности — а это явный *coup d'état*, картографирование года, насильственный захват времени как такового, превращение органичного космоса во вселенную как часовой механизм. Иными словами, смерть фестиваля.

Участники всех восстаний отмечали их сходство с карнавалом, даже в пылу вооружённой борьбы, несмотря на все опасности и риски. Восстания подобны сатурналиям, выскользнувшему (или вычеркнутому) из интеркалярных интервалов, обретая при этом свободу вспыхнуть где угодно и когда угодно. Освободившись от временных и пространственных уз, они, тем не менее, не утратили дара предчувствовать, когда обстоятельства станут достаточно зрелыми, как и связи с *genius loci*[5]; наука психотопологии призвана выявлять «энергетические потоки» и «места силы» (заимствуя оккультную метафору), локализуя ВАЗ в пространстве и времени, или, по крайней мере, определять, насколько ВАЗ соотносится с конкретным моментом и местом.

Средства массовой информации призывают нас «праздновать каждое мгновение жизни» в сомнительном слиянии потребительских товаров и спектакля, образующем то самое *несобытие* голой репрезентации. В ответ на эту непристойность мы, с одной стороны, можем полагаться на целый спектр возможных форм *отказа* (задокументированных ситуационистами, Джоном Зерзаном, Бобом Блэком и др.) — и, с другой стороны, на пробуждение *фестивальной культуры*, неподвластной самозванным менеджерам нашего досуга и даже спрятанной от них. «Право на вечеринку нужно отвоевать» — фактически, здесь мы имеем дело не с пародией на радикальную борьбу, а с её новой манифестацией, соответствующей духу эпохи, которая предлагает ТВ и телефоны в качестве способов «достучаться» до других человеческих существ и «прикоснуться» к ним, способов «Быть рядом!».

Пёрл Эндрюс был прав: званый пир уже несёт в себе «зерно нового общества, вызревающего в тесной ракушке старого мира» (из преамбулы к уставу Индустриальных рабочих мира). «Родоплеменные собрания» в духе 60-х, лесные анклавы эко-саботажников, идиллический

Белтейн неоязычников, анархистские конференции, феерии гей-парадов... Гарлемские вечеринки на съёмных квартирах в 20-е годы, ночные клубы, банкеты, старомодные либертарные пикники — нам необходимо понять, что в некотором смысле все они уже являются «освобождёнными зонами» или, по крайней мере, потенциальными ВАЗ. Неважно, приглашены ли туда лишь некоторые друзья, как в случае со званым обедом, или тысячи гуляк, как в случае с «Be-In»[6], любой праздник «открыт», поскольку он начинается не «по приказу»; и хотя он может быть запланирован наперёд, пока он не «состоится» в действительности, он не состоятелен. Элементу спонтанности отводится ключевая роль.

Суть праздника: общение лицом к лицу; группа людей объединяет усилия, чтобы удовлетворить свои общие потребности — в пище или развлечениях, в танце, общении, искусстве жизни или, может быть, даже в эротическом наслаждении, или в создании коллективных произведений искусства, или в достижении самого пика блаженства — короче говоря, речь идёт о «союзе эгоистов» (в терминах Штирнера) в чистейшей его форме — или, в терминах Кропоткина, о базовой биологической потребности во «взаимопомощи». (Кроме того, здесь было бы уместно привести пример «экономики щедрости» Жоржа Батая и его теории, основанной на культуре потлача.)

3. Жизненную силу, с помощью которой ВАЗ формирует реальность, олицетворяет концепция «психического номадизма» (который мы также иронически называем «безродным космополитизмом»). Некоторые аспекты этого феномена обсуждались в «Трактате о номадологии» Делёза и Гваттари, в сборнике «Driftworks» Лиотара и в работах других авторов, вошедших в сборник «Oasis» издательства Semiotext (e). Здесь мы используем термин «психический номадизм» вместо «городского номадизма», «номадологии», «дрейфа» и т.п., лишь чтобы объединить все эти термины в рамках одной нестрогой категории, призванной помочь нам в изучении становления ВАЗ. «Смерть Бога», в некотором смысле ознаменовавшая утрату стержня для всего европейского проекта, подготовила почву для постидеологического мировоззрения, допускающего множество перспектив и способного свободно и «внеисторично» перемещаться между философией и родоплеменной мифологией, естественными науками и даосизмом — способного впервые взглянуть на вещи глазами какого-нибудь златокрылого жука, получив фасеточную картину совершенно иного мира.

Но такое зрение было приобретено ценой принадлежности к эпохе, в которой жажда скорости и «товарный фетишизм» породили тиранию мнимого единства, имеющего свойство размывать любые культурные различия и границы индивидуальности, в результате чего «любое место становится неотличимо от другого». Этот парадокс создаёт «цыган», психических странников, движимых влечением и любопытством, скитальцев, которым чужда личная преданность (и, по сути, менее всего они преданны «Европейскому проекту», утратившему всё своё очарование и жизненную силу) и которые не привязаны ни к какому конкретному времени или месту, постоянно блуждая в поисках разнообразия и приключений... Под это описание подходят не только художники и интеллектуалы высокого полёта, но и трудовые мигранты, беженцы, «бездомные», туристы и обитатели трейлеров и автофургонов — как и все те, кто «странствует» по Сети, даже если они вообще не выходят из спален (или те, кто, подобно Генри Торо, «много странствовал — по Конкорду»); наконец, к ним мы причисляем и «всех вообще», каждого из нас, чья жизнь проносится в окне

автомобиля, в круговороте летних отпусков, в экранах телевизоров, за чтением книг, просмотром кинофильмов, разговорами по телефону, в поисках новой работы, «образа жизни», религии, диеты и т.д. и т.п.

Психический номадизм как *тактика* — то, что Делёз и Гваттари метафорически окрестили «машиной войны» — смещает парадокс из сферы пассивного в сферу активного или, возможно даже, «воинственного». Последняя агония «Бога» и его предсмертные судороги тянутся уже так долго — вспомним хотя бы такие их формы, как капитализм, фашизм и коммунизм, — что остаётся ещё широкий простор для «творческого разрушения» от рук постбакунистов и постницшеанцев, этих командос или апачей (то есть, буквально — «врагов») старого Консенсуса. Эти кочевники осуществляют *razzia*[7], в их венах течёт кровь корсаров, они — вирусы; они нуждаются в ВАЗ и жаждут их, лагерей из чёрных шатров под звёздным небом пустыни, интерзоны, укреплённые и сокрытые от глаз оазисы вдоль потаённых караванных путей, участки, «отвоёванные» у джунглей и бесплодных пустошей, запретные зоны, чёрные рынки и подпольные базары.

Эти кочевники намечают свой курс по неведомым звёздам — ими могут быть серебристые отсветы кластеров данных в глубинах киберпространства или даже галлюцинации. Нанеси территорию на карту; поверх неё расчерти контуры политической трансформации; наложи на это карту Сети, особенно контр-Сети, с её акцентом на скрытую передачу информации и логистику подполья, — наконец, поверх всего наложи карту в масштабе один к одному, карту творческой интуиции, эстетики и личных ценностей. И тогда полученная схема обретёт жизнь, а неожиданные странности и вспышки энергии, сгустки света, потайные туннели и яркие сюрпризы вдохнут в неё душу.

Версия #3

Зверобой создал 13 марта 2025 00:30:57

Зверобой обновил 13 марта 2025 00:50:24